

М. В. Шкаровский

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ АФОНА В НАЧАЛЕ XX в.

Начало XX в. было временем нереализованного проекта интернационализации Афона, который активно отстаивали дипломатические службы Российской империи. В значительной степени этот проект являлся продолжением их традиционной политики, направленной на то, чтобы святые места Палестины, а также Афон принадлежали всему православному миру. После занятия в ходе Первой Балканской войны Афона греческими войсками осенью 1912 г. российское правительство проявило заметный интерес к Святой Горе, увидев в ней опорный пункт своего влияния в Средиземноморье. Был разработан проект интернационализации Святой Горы. Для его осуществления предпринимались определенные усилия. Основная борьба российской дипломатии по афонскому вопросу велась с ноября 1912 по июль 1914 гг. Однако в реализации проекта российское правительство столкнулось не только с сопротивлением греческих властей и части монахов, но и с противодействием ряда великих европейских держав (прежде всего Австро-Венгрии). В результате, упустив благоприятную ситуацию, российская дипломатия потерпела поражение. В целом российские власти так и не признали фактического присоединения Святой Горы к Греции и вплоть до осени 1917 г. предпринимали меры по урегулированию юридического статуса Афона, сохраняя определенные надежды на успех. Однако последовавшие затем Октябрьская революция и установление в России советской власти привели к окончательному отказу от проекта интернационализации Святой Горы.

Ключевые слова: Афон, Святая Гора, российская внешняя политика, интернационализация, русское монашество, Греция, Балканские войны, афонский вопрос, дипломатия, европейские державы.

Начало XX в. было временем нереализованного проекта интернационализации Афона, который активно отстаивали дипломатические службы Российской империи. В значительной степени этот проект являлся продолжением их традиционной политики. С XIX в. российская дипломатия подчеркивала вселенский, наднациональный характер Константинопольского Патриархата и считала, что величайшие святые

Михаил Витальевич Шкаровский — доктор исторических наук, преподаватель Санкт-Петербургской духовной академии, ведущий научный сотрудник Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (shkarovs@mail.ru).

Востока — Гроб Господень, другие святые места Палестины, а также Афон должны принадлежать всему православному миру¹.

Причиной появления указанного проекта стало существенное обострение политической ситуации на Балканах. В начале XX в. территория Афона грозила превратиться в зону военных действий из-за македонской проблемы: в Македонии, этой прилегающей к Афону области, проживало смешанное греко-славянское население, что периодически приводило к вооруженной борьбе². Дело доходило до обострения национальных отношений непосредственно на самом Афоне.

Духовник Свято-Пантелеимоновского монастыря иеромонах Агафодор (Буданов) так описывал эту ситуацию в письме от 6 апреля 1905 г. к епископу Псковскому Арсению (Стадницкому): «Переживаем здесь тревожное время как по отношению к смутному со стороны своей дорогой родины, так и к македонскому движению, которое грозит распространиться широко, коснувшись и нашего земного жребия. К сему намерены присоединиться из свободной Эллады еще и греки, согласившись действовать заодно с турками против болгар, и для сего сделали во многих местах склады оружия. И. А. Зиновьев [российский посол в Константинополе — М. III.] обещал принять против сего меры, но стихию не остановишь. Неизвестно, что будет даже и в ближайшем будущем. В Зографском монастыре охраняют 50 человек своих нанятых рабочих, ибо они имеют сведения о намерениях повстанцев разграбить монастырь. Конечно, может, все это кончится одним только опасением, но, тем не менее, неприятно»³.

В этих условиях греческие националисты начали печатную кампанию против не только болгарских, но и русских святогорцев. Греческая пресса резко критиковала их и греческих афонитов, а также архиереев и даже Константинопольских патриархов, симпатизировавших русским⁴. Одним из тяжелых испытаний стало принятие Константинопольским патриархом в 1911 г. сигиллиона, запрещавшего келлиям иметь братство более шести человек. Однако русским монахам, которые обратились с многочисленными жалобами в российские дипломатические представительства в Салониках и Константинополе, удалось добиться сочувствия в правительственных органах и в Государственной Думе.

---

¹ Герд Л. А. Русский Афон 1878–1914 гг. Очерки церковно-политической истории. М., 2010. С. 51.

² См.: В «пороховом погребе Европы». М., 2003.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 550. Оп. 1. Д. 490.

⁴ Там же. Д. 266.

В Османской империи существовала дипломатическая защита негреческих святогорцев со стороны других христианских государств на основании статьи 62 Берлинского трактата от 13 июля 1878 г., гласившей, что монахи Афонской Горы, какова бы ни была страна их происхождения, сохраняют свои владения и прежние привилегии и будут пользоваться, без всякого исключения, полным равенством прав и прерогатив. Ситуация существенно изменилась осенью 1912 г. в связи началом Балканских войн. К этому времени российские дипломатические ведомства не имели разработанного плана действий в отношении Афона и, как правило, реагировали на быстро развивавшиеся события с некоторым опозданием, что в значительной степени и обусловило неудачу их проекта.

3–9 октября 1912 г. началась Первая Балканская война между Османской империей и Балканским союзом, в который входили Болгария, Сербия, Черногория и Греция. В результате войны Османская империя потеряла почти все свои европейские территории, включая Афонский полуостров, которым она владела с XV в. Большая часть Македонии и Западная Фракия стали частью Эллинского государства. События развивались очень быстро. 15 октября к Афону впервые подходили два греческих миноносца, на следующий день османский правитель Халкидонского полуострова прислал в Кинот письмо, чтобы 17 греческих монастырей указали своим метохам на необходимость снабжения турецкой армии, однако 17 октября было прервано телеграфное сообщение, и даже каймакам перестал получать известия с фронта. В конце октября пришло известие о взятии Салоник греческими войсками, Кинот стал готовиться к принятию новых властей и на заседании 31 октября выработал программу встречи и заказал изготовление шести греческих флагов⁵.

1(14) ноября над Протатом в Карее взвился греческий флаг. Доставленный крейсером «Георгий Аверов» и тремя миноносцами 2 ноября в афонскую пристань Дафна греческий десант, состоявший из 67 матросов под командованием Телемаха Курмулиса, занял Дафну, подняв там вместо турецкого греческое знамя. Османская администрация при приближении греческого флота укрылась в Свято-Пантелеимоновском монастыре, к которому подошел один из миноносцев, высадивший 20 солдат. Ввиду угрозы артиллерийского обстрела турки (менее 10 человек, в основном таможенники и почтальоны) по настоянию русского игумена

---

⁵ Архив Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне (АРПМА). Оп. 10. Д. 145. Док. 5421. Л. 38, 42.

Мисаила сдались в плен, были посажены на миноносец и увезены⁶. Так, без всякого кровопролития, закончилось пятивековое османское владычество на Святой Горе.

В день занятия греческими войсками Афона командующий Эгейским флотом контр-адмирал Павел Кундуриотис объявил прибывшей в Дафну депутации Протата королевский декрет, включавший следующие пункты: «1. Афонский полуостров весь занят нами и составляет отныне нашу оккупацию. 2. Турецкое владычество упраздняется, его власть принимает командир оккупационного отряда помощник капитана Телемах Курмулис. 3. Местные дела будут разбираться под высшим надзором самого командира отряда. 4. Существующие законы и обычаи будут продолжать действовать и применяться под надзором командира отряда, который имеет право ведать всякое дело. 5. Мы ручаемся за уважение и ненарушаемость прав собственности, религии, личной свободы всех жителей занятой нами местности без различия племенного происхождения или религиозного верования <...> 7. Охранение прав возлагается на командира отряда, имеющего власть делать приказания какого бы то ни было характера». Кроме того, «всем жителям полуострова» запрещалось носить оружие; прежние подати, а также дополнительные взносы они должны были платить командиру отряда, который имел право судить в течение 24 часов и приговаривать к смертной казни⁷. Согласно этому документу, внутренние дела монастырей безоговорочно ставились под контроль военных властей.

В тот же день греческий отряд выступил из Дафны в Карею, по пути везде заменяя турецкие флаги греческими. Во время празднования освобождения от османского ига монахи различных национальностей также вывесили и свои национальные флаги, по свидетельству А. А. Павловского, «как бы подчеркивая этим, что отныне Афон становится снова общим достоянием православного монашества»⁸.

3 ноября в Дафну на транспортном пароходе прибыл новый десант из 800 пехотинцев, артиллеристов и кавалеристов греческой армии. Весь этот воинский контингент был поделен на отряды, которые совершили обход монастырей. Один из отрядов, возглавляемый Демосфеном Зантопулосом, 7(20) ноября пришел в Свято-Пантелеимоновский монастырь,

---

⁶ Там же. Док. 125. Л. 7; *Талалай М.Г.* Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках. М., 2009. С. 20.

⁷ АРПМА. Оп. 10. Д. 148. Док. 4620. Л. 1–2 об.; Д. 150. Док. 143. Л. 6.

⁸ Там же. Д. 180. Док. 163. Л. 10 об., 44.

где был торжественно встречен монахами. Размещенным на полуострове войскам выделяли продовольствие и дрова для отопления все монастыри, в том числе и Руссик. В это же время на Афоне появилась греческая администрация. 7–8 ноября на полуостров прибыли назначенный правительством чиновник и полиция — жандармы и таможенники. 10 ноября Свято-Пантелеимоновский монастырь с визитом посетил командующий войсками Халкидонского полуострова полковник Георгий Карреклис с двумя офицерами и несколькими солдатами (они объезжали славянские обители), которым был оказан радушный прием⁹.

6 ноября Кинот подготовил приветственный адрес греческому королю Георгу I и 9 ноября решил всем составом поздравить находившегося в Салониках короля, выразить ему благодарность за освобождение от турецкого ига, поднеся адрес и дорогие иконы в подарок. При этом антипросопы Руссика и Зографа не поставили печати своих монастырей под приветственным адресом, так как он содержал в подписи фразу «подданные Эллады», и решили поздравить Георга I особо, что и было сделано 12–13 ноября. Братия Свято-Пантелеимоновского монастыря подготовила королю свой адрес с выражением поздравления и благодарности за освобождение Афона от инославного ига и пожеланием «двести сие святое дело до конца»¹⁰.

Интересно отметить, что турецкое Министерство исповеданий и юстиции 6 декабря выразило свой протест, в котором говорилось, что во время пребывания греческой эскадры на Афоне некоторые монахи подали адмиралу документ в виде общего заявления премьер-министру Греции с выражением преданности Элладе, «а, следовательно, вопреки тем чувствам, которые они обязаны питать к императорскому правительству». Поэтому подобное поведение будет осуждено Константинопольской патриархией, которая вскоре примет меры против учинивших эту акцию¹¹. Однако ввиду поражения турок в войне до реализации данной угрозы дело не дошло.

Несмотря на то, что в Османской империи Афон находился под особым контролем и покровительством России, его занятие греческими войсками произошло без уведомления российской стороны, что вызвало озабоченность Министерства иностранных дел. В ответ на его запрос МИД Греции (согласно телеграмме в Санкт-Петербург российского посланника

---

⁹ Там же. Д. 145. Док. 125. Л. 7; Д. 148. Док. 4620. Л. 5–5 об.

¹⁰ Там же. Д. 150. Док. 143. Л. 5 об. — 6.

¹¹ Там же. Д. 151. Док. 4643. Л. 1–1 об.

в Афинах Е. П. Демидова от 7(20) ноября 1914 г.) заверил, что «особое положение Афона не подвергнется никаким изменениям и будет нерушимо сохранено». Этот ответ в Петербурге сочли недостаточным. Министр иностранных дел С. Д. Сазонов в секретной телеграмме Е. П. Демидову от 12(25) ноября писал: «Заявление, что внутреннее управление не изменится, недостаточно. Мы не можем допустить перехода Афона, имеющего значение одного из главных центров для всего православного мира, в руки одной Державы, а потому считали бы лучшим решением вопроса нейтрализацию Афона с сохранением прежнего его подчинения духовному главенству Вселенского патриарха»¹².

В другой телеграмме Е. П. Демидову от 6(19) декабря С. Д. Сазонов в целом негативно, хотя и сдержанно, высказался по поводу оккупации Афона греческими войсками: «Русское правительство, всегда оберегавшее Афон от возможности вторжения на его территорию турецких войск и не допускавшее на нем сооружения крепостей, не может считать допустимым длительное пребывание на нем отряда, посланного Грецией даже без предварительного оповещения о том России». Далее министр писал, что российская сторона возмущена «получением русскими монахами на Афоне от Протата в связи с создавшейся там атмосферой приглашения выразить верноподданнические чувства греческому королю», что называлось «совершенно недопустимым». С. Д. Сазонов просил указать это руководителю внешнеполитического ведомства Греции Коромиласу, а также объяснить ему, «что не предусматриваем иного решения, чем установление совершенной независимости Афона, без суверенитета какой-либо Державы»¹³.

Согласно ответной телеграмме Е. П. Демидова от 8(21) декабря, Коромилас сказал ему, что намерен «действовать во всем согласно пожеланиям России», присутствие греческого отряда на Афоне носит временный характер и не содержит посягательства на его внутреннее устройство и «подчинение Святой Горы духовному главенству Патриарха». При этом глава Министерства иностранных дел Греции заявил Демидову, что в вопросе о статусе Афона «греческое правительство готово пойти... на решительные уступки... лишь бы формально и номинально суверенитет над Афоном возможно было сохранить за Грецией».

---

¹² Паршинцев А. В. Афонский вопрос во внешней политике России с 1912 по 1917 гг. Квалификационная работа Дипломатической Академии МИД М., 2008. С. 20–21.

¹³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3876. Л. 26.

Это заявление не успокоило российский МИД. 11(24) декабря С. Д. Сазонов отправил секретную телеграмму Е. П. Демидову, в которой категорично указал: «О суверенитете Греции над Афоном не может быть и речи. Благоволите объяснить г. Венизелосу, что бесповоротное решение русского правительства основано на многовековой истории отношений России к Афону»¹⁴.

Первоначально после освобождения Афона на него претендовала и Болгария. 5 декабря в Руссик прибыл отряд болгарской армии из 60 человек под командованием поручика Георгия Цветанова. Ему была устроена торжественная встреча. 6 декабря болгарские солдаты присутствовали на Божественной литургии, а Г. Цветанов сказал речь о значительной помощи России в освобождении славянских стран от турецкого ига. Всем солдатам подарили иконы, религиозные книги и т. п. На следующий день, после теплых проводов, отряд на монастырском пароходе отправился в болгарский монастырь Зограф для его защиты «от всяких случайностей», где разместился в качестве гарнизона¹⁵. Претензии Болгарии приходилось учитывать российской дипломатии.

В этих условиях инициативу проявил российский посланник в Константинополе М. Н. Гирс, который хорошо знал реальное положение на Афоне, в частности ухудшение в некоторых отношениях положения русских и других славянских святогорцев после ухода турок. Если турецкая администрация не ограничивала самоуправление Афона и не препятствовала пополнению русских обитателей иноками из России, то греческие власти сразу же обнаружили некоторое стремление поставить святогорскую общину под свой контроль и подчинить ее светской юрисдикции. При этом русские монахи Святой Горы в гражданском отношении продолжали подчиняться российскому посольству в Константинополе.

М. Н. Гирс (1856–1932) —
русский дипломат, посол
в Константинополе в 1911–1914 гг.

¹⁴ Паршинцев А. В. Афонский вопрос во внешней политике России с 1912 по 1917 гг... С. 21, 35.

¹⁵ АРПМА. Оп. 10. Д. 145. Док. 125. Л. 7 об.

Именно к М. Н. Гирсу в первую очередь обращались русские монахи с просьбой вмешаться в ситуацию. В частности, уже 5 ноября 1912 г. к посланнику обратился настоятель Свято-Ильинского скита архимандрит Максим с просьбой помочь в возведении этого скита в ранг самостоятельного монастыря. 3 декабря М. Н. Гирсу написали члены Братства русских обителей (келлий), прося обеспечить их дальнейшее существование на Афоне, «дабы не подпасть под подданничество и власть чужой нации»¹⁶. Через несколько недель посланник предложил решить вопрос о статусе Афона на конференции великих европейских держав, а до этого выработать согласованное решение шести православных государств (России, Греции, Болгарии, Сербии, Румынии и Черногории) на предварительных консультациях в Салониках¹⁷.

Предложение М. Н. Гирса поддержал С. Д. Сазонов, который 9(22) декабря отправил телеграмму российскому генеральному консулу в Салониках А. К. Беляеву с инструкцией для переговоров: «Мы полагаем, что Афон должен быть объявлен нейтральным под гарантией всех православных Держав с полным сохранением своего самобытного строя и подчинения духовному главенству Вселенского патриарха». На основании данных положений в дальнейшем и строилась вся российская дипломатия в решении афонского вопроса. В условиях, когда отторжение Афона от Османской империи стало свершившимся фактом, главной задачей российских дипломатов было сохранение на Святой Горе церковной власти Константинопольского патриарха (что могло оградить афонские обители от давления со стороны национальных Церквей балканских государств), а также недопущение ее единоличного захвата какой-либо иной державой. В связи с этим выход из создавшегося положения виделся в установлении над Афоном совместного суверенитета (кондоминиума) всех православных держав, чья духовная культура была связана со Святой Горой¹⁸.

Посланникам России в Сербии, Болгарии и Румынии были даны указания предложить правительствам этих стран обсудить вопрос на совещании генеральных консулов в Салониках на предмет нейтральности и независимости Афона под контролем всех православных государств.

---

¹⁶ Там же. Д. 180. Док. 163. Л. 109–109 об.

¹⁷ *Паршинцев А. В.* Афонский вопрос во внешней политике России с 1912 по 1917 гг... С. 21–22.

¹⁸ Там же. С. 23; *Петрунина О. Е.* Афонский вопрос в 1912–1917 гг. по материалам русских дипломатических источников // Вестник архивиста. 2002. № 1 (67).

Подобное предложение везде встретило положительный отклик, но из-за того, что большая часть представителей этих государств не получила своевременных инструкций от правительств и из-за начавшихся трений балканских союзников по поводу раздела османского наследия в Европе (приведших вскоре к Второй Балканской войне) совещание генеральных консулов в Салониках не состоялось. Еще в телеграмме российского Министерства иностранных дел его посланникам на Балканах от 2 января 1913 г. говорилось о предстоящей предварительной работе генеральных консулов в Салониках, но уже 9 января она была «отложена до более спокойного времени». Таким образом, провести предварительную разработку вопроса на уровне православных государств не удалось¹⁹.

Поэтому вопрос о статусе Святой Горы стал рассматриваться сразу на конференции послов великих европейских держав в Лондоне, которая должна была выработать решения для мирного договора после Балканской войны. Конференция начала свою работу 16 декабря 1912 г., для вынесения решения на ней требовалось единогласие, после чего окончательное принятие решений передавалось на утверждение правительств.

На заседаниях конференции Россия неизменно выступала за интернационализацию и автономизацию Афона. Учитывая многонациональный и общеправославный характер святогорского иночества, было предложено установить над афонской (по проекту — нейтральной) территорией при сохранении духовной юрисдикции Константинопольского патриарха общий протекторат шести государств, в которых большинство населения принадлежало к Православной Церкви²⁰. Хотя на Болгарскую Церковь была наложена Константинопольской патриархией схизма, Болгарию также включали в этот список, как имевшую своих подданных среди святогорцев, кроме того, в тот период существовали надежды на быстрое снятие схизмы. Ведущая роль в подобном протекторате принадлежала бы самой России. Таким образом, предполагалось нейтрализовать главенство греков и защитить права выходцев из всех православных государств.

Однако в российском Министерстве иностранных дел существовала большая озабоченность тем, что, кроме общих идей, не существовало ясного представления, как практически решить вопрос о статусе Святой Горы. Поэтому нескольким российским дипломатам в Константинополе, Салониках и других местах было поручено подготовить соответствующие

---

¹⁹ Там же.

²⁰ АРПМА. Оп. 10. Д. 154. Док. 144. Л. 17; Русское слово. 1913. 6 января. № 5.

докладные записки. Всего было подготовлено четыре таких документа: Б. С. Серафимовым, А. К. Беляевым, А. М. Петряевым и А. Н. Мандельштамом. В каждом из них отмечалось неравноправное положение русских афонитов и необходимость «изменения политико-административного статуса Афонской Горы»²¹.

Первая докладная записка по вопросу преобразования устройства Афона была написана 2 ноября 1912 г. сотрудником российского посольства в Константинополе, экспертом по церковным делам, титулярным советником Б. С. Серафимовым в адрес посла М. Н. Гирса. Серафимов считал необходимым предоставить первенствующее положение российскому покровительству над Афоном. Подчеркивая то обстоятельство, что монастыри, не принадлежащие русским, существуют или за счет сборов и доходов с имений на территории России, или за счет арендной платы, Б. С. Серафимов делал вывод о том, что нерусские обители без помощи из империи придут в запустение через несколько лет. Отмечая, что число русских монахов Афона на 1909/1911 гг. составляло 4250 человек, не считая подворий (более половины всех святогорцев), Б. С. Серафимов писал: «С переменой политических обстоятельств, можно надеяться, изменится и настоящее положение. Со временем из 17 греческих монастырей многие станут русскими, как это стало с Пантелеймоновым монастырем, и тогда, сохранив древлеправославный Афонский уклад, монахи наши увидят себя в лучших условиях». Что касается политического устройства в новых условиях, Серафимов предлагал, чтобы Россия, Болгария, Сербия и Греция, не затрагивая канонического status quo Афона, выступили совместными покровительницами Святой Горы и назначали туда представителя в порядке очереди. В целом же Афон должен был перейти под покровительство России, которая бы и занималась его делами, предоставляя ему во внутреннем управлении возможность руководствоваться уставом и постановлениями Вселенских патриархов; западноевропейские же державы должны воздержаться от обсуждения дел Афона, как чисто православного учреждения, находившегося вне круга их интересов²². В недостаточно продуманном проекте Б. С. Серафимова явно присутствовал флер политической романтики, и менее чем через год этот дипломат существенным образом изменил свою позицию.

---

²¹ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 3686.

²² Там же; Герд Л. А. Русский Афон 1878–1914 гг... С. 134.

Наиболее детальную докладную записку «Предложения об устройстве Афона» в начале 1913 г. написал генеральный консул в Салониках статский советник А. К. Беляев. По его мнению, каждое из шести православных государств должно было назначить по одному представителю, которые будут заседать в прежнем административном центре Афона, Карее. Делегаты составят Совет (под председательством русского представителя), который заменит собой функции каймакама. Совет должен был стать единственным представителем Афона в его контактах с иностранными государствами и иметь в своем подчинении роту жандармов. Функции каждого из делегатов по отношению к подданным их государств предполагалось сделать одинаковыми с функциями консулов держав в Османской империи. «При таких обстоятельствах, — отмечал А. К. Беляев, — надо надеяться, что назначение на Афон делегатов с правами и обязанностями консулов будет уже само по себе способствовать в значительной степени умиротворению Св. Горы. Наблюдая в течение около трех лет перипетии происходящей на Афоне борьбы между греками и русскими, и, соглашаясь с моими предшественниками, что главной причиной неприязни греков является их зависть к процветанию русских обитателей и опасение быть, в конце концов, оттесненными на второй план, — я, тем не менее, должен сказать, что во многих случаях столкновения между греческими и русскими монахами могли бы быть предупреждены или быстро улажены, если бы на Афоне имелось особое русское консульство, которое могло бы выступить посредником между теми и другими»²³.

Российская делегация в составе делегата в ранге консула, секретаря-драгомана, одного писаря и одного каваса могла бы быть подчинена непосредственно посольству в Константинополе. Таким образом, А. К. Беляев видел в российском представителе афонского управления сотрудника Министерства иностранных дел, а русское монашество ставилось в непосредственную зависимость от министерства. В некоторой степени такой порядок не только соответствовал положению до 1912 г., но и являлся исполнением давней идеи водворения на Святой Горе светского представителя от российского правительства. Административно-хозяйственные и судебные функции Протата, по мнению А. К. Беляева, должны были остаться прежними. Что касается Устава Святой Горы, то он требовал пересмотра в смысле очищения его от поздних

---

²³ Герд Л. А. Русский Афон 1878–1914 гг... С. 132.

добавлений, внесенных в него с политическими целями, — в частности от указа Константинопольского патриарха от 7 июня 1909 г., направленного против значительного увеличения русских святогорцев и ограничивающего число насельников келлий шестью.

Следующая докладная записка «Об Афоне» принадлежала консулу в монастыре коллежскому советнику А. М. Петряеву. Она была написана в начале 1913 г. и состояла из трех частей: общие замечания исторического характера, современное положение Афона и самоуправление Святой Горы. А. М. Петряев отмечал тот факт, что афонское монашество при турках мало считалось с властью Константинопольской патриархии — она существовала только номинально, так как фактически патриарх ничем не мог поддержать своего авторитета. Единственное орудие, которое он имел в своих руках — это запрещение священнодействовать и отлучение от Церкви. Так же мало считались монахи и с турецкими властями, в частности, в 1908 г. насельники одного из греческих монастырей, в котором произошел крупный конфликт, в течение многих дней сопротивлялись осаде со стороны прибывшего турецкого отряда. По мнению А. М. Петряева, Россия, имеющая самые богатые и населенные обители на Святой Горе, не могла согласиться с тем, чтобы Афон, вышедший из-под турецкого господства, потерял свою автономию и стал частью территории какого-либо одного, хотя бы и православного, государства. Духовная власть должна была оставаться в руках Константинопольского патриарха, а разрешение спорных вопросов могло бы быть предоставлено соглашению между патриархией с российским посольством и миссиями православных государств в Константинополе. В целом, эта записка повторяла основные положения проекта А. К. Беляева, хотя и не была так детально разработана²⁴.

Особый, в значительной степени обобщающий первые три докладные записки, проект был составлен по поручению посла М. Н. Гирса профессиональным юристом, исполняющим обязанности первого драгомана (переводчика) и юрисконсульта российского посольства в Константинополе, статским советником А. Н. Мандельштамом. Не вникая в чисто церковную сторону вопроса, он предложил текст из 48 статей политического и юридического характера. Афон объявлялся нейтральной территорией под духовным руководством Константинопольского патриарха и общим суверенитетом (кондоминиумом) шести православных

---

²⁴ Там же. С. 133.

государств (ст. 1–2). Каждое из этих государств должно было защищать монахов своей национальности (ст. 3). Гражданская власть на Афоне предоставлялась шести комиссарам, а всего представителей государств предполагалось 12 — 5 от России, 3 — от Греции и по одному от остальных стран (ст. 5). В распоряжении комиссаров должна была находиться жандармерия, которая обеспечивалась на 5/12 со стороны России, 3/12 — Греции, по 1/12 от остальных стран (ст. 16). Что касалось Синаксиса — монашеского органа власти, — то ему предоставлялась неограниченная духовная и ограниченная материальная власть. Административно-хозяйственные дела Синаксиса должны были получать одобрение со стороны Совета комиссаров (ст. 19–21). Каждое из государств-покровителей для производства судебных дел назначало свой суд согласно законам своей страны²⁵.

Подробно положение Афона с точки зрения международного права А. Н. Мандельштам рассматривал в особой докладной записке. Ознакомившись с соответствующими записками об устройстве Святой Горы А. К. Беляева, А. М. Петряева и Б. С. Серафимова, Мандельштам сознательно не касался церковной стороны вопроса, отмечая: «Я ставлю себе единственной целью содействовать, по мере сил, выяснению вопроса, следует ли, с точки зрения русских политических интересов, создать из Афона нейтральную территорию под покровительством шести православных держав, или же предпочтительно обратить Афон в нейтральную территорию под общим их суверенитетом». В его записке впервые рассматривался вопрос о создании независимого государства Афон и, соответственно, оговаривалось вызывавшее споры подданство афонских монахов. А. Н. Мандельштам подробно рассматривал исторические примеры подобных государственных образований: Краковская республика (1815 г.), Молдавия и Валахия (1856 г.), Сербия, Крит (1899 г.). Будущее государство Афон, хотя и зависимое, должно было обладать всеми признаками страны и иметь свою территорию, подданных и власть. Единственным возможным признаком афонского подданства явилось бы местожительство, независимо от национальности и происхождения; паломники оставались иностранными подданными. На Афоне предполагалась своя независимая власть: законодательная (Протат), с депутатами от скитов и келлий, исполнительная (эпистасия) и судебная. Во главе Афонского государства планировалось поставить

---

²⁵ Там же. С. 135.

от имени шести православных держав физическое или юридическое лицо, которому вместе с Протатом принадлежала бы верховная государственная власть. Таким лицом мог быть председатель эпистасии, назначаемый державами на определенный срок, или духовное лицо по выбору шести держав. Необходимо было также осуществить отделение духовной власти от светской, так как Константинопольский патриарх имел власть только над духовными делами Афона. Подобно составителям других записок, А. Н. Мандельштам считал, что представителем держав-покровительниц на Афоне явился бы «Совет комиссаров» под председательством России. Этому совету также отводилась функция представителя Афона в их сношениях с иностранными государствами. Далее Мандельштам рассматривал второй вариант — провозглашение Афона нейтральной территорией, «находящейся под кондоминиумом или общим суверенитетом... шести православных Держав», то есть модель, близкую к проекту А. К. Беляева. Тогда афонского подданства не существовало бы, а полностью властью обладал бы Совет комиссаров²⁶.

Третья часть докладной записки посвящена сравнительной оценке этих вариантов. А. Н. Мандельштам, исходя из русских государственных интересов, определенно высказывался в пользу создания на Афоне не нейтрального государства, а нейтральной территории. В случае создания независимого государства русские монахи были бы изъяты из сферы действия российских законов, следствием чего стало бы издание регламентов, которые будут расходиться с русскими интересами. «Вообще, — писал А. Н. Мандельштам, — казалось бы желательным, обеспечив Св. Горе, по возможности, все выгоды самоуправления, которыми она пользовалась до сих пор, ввести на Афоне твердую правительственную власть, делающую невозможным повторение печальных явлений, наблюдаемых в последнее время. Образование из Афона автономного государства никоим образом не соответствовало бы намеченной цели, а наоборот, еще более развило бы среди монахов политиканство и племенную рознь». Напротив, при организации коллективного кондоминиума шести православных держав, по мнению автора записки, Россия получила бы возможность иметь решающий голос в афонских делах, насколько не нарушая при этом ни особенностей внутреннего церковного строя, ни освященного веками положения Вселенского патриарха²⁷.

---

²⁶ Там же. С. 135–136; АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 3689; Паршинцев А. В. Афонский вопрос во внешней политике России с 1912 по 1917 гг... С. 28.

²⁷ Там же.

Позднее свои соображения по будущему устройству Афона высказал и профессор А. А. Дмитриевский, написавший и опубликовавший брошюру «Афон и его новое политическое международное положение» (СПб., 1913). Его интересовала в первую очередь церковная сторона вопроса. Он считал необходимым сохранение status quo в вопросе о духовной зависимости обителей Святой Горы от Константинопольского патриархата. Подчинение их Афинскому архиепископу или Российскому Святейшему Синоду явилось бы присвоением прав Вселенского патриарха. Также обязательным считал он сохранение деления монастырей на киновии и идиоритмы и общинное (кинотское) управление Афоном.

Профессор
А. А. Дмитриевский (1856–1929)

Последнее, впрочем, нуждалось, по мнению Дмитриевского, в некоторых коррективах в пользу монахов-славян. Имея меньшинство своих представителей в Киноте, славяне с трудом могли провести принятие какого-либо постановления в свою пользу. Благоприятным решением в этом смысле было бы возведение русских Свято-Андреевского и Свято-Ильинского скитов в ранг кириархических монастырей. Для грузин необходимо было сделать то же с Иверским Иоанно-Предтеченским скитом, а для болгар и румын — с Успенским, Ксилургу и молдаво-влахийским Иоанно-Предтеченским скитами. Решение материального вопроса при этом могло бы произойти только путем принудительного отчуждения земель и пересмотра границ всех обителей и монастырей. Русским келлиям нужно было предоставить право иметь численность братии по своему усмотрению. В политическом отношении Святая Гора должна была получить независимый международный статус. Присутствие светских жандармов на Афоне А. А. Дмитриевский считал крайне нежелательным. По его мнению, комиссары с жандармами могли бы находиться в Салониках или даже Константинополе и являться на Афон только в случае необходимости²⁸.

²⁸ Герд Л. А. Русский Афон 1878–1914 гг... С. 137; АРПМА. Оп. 10. Д. 180. Док. 163. Л. 140.

К концу марта 1913 г. на основе четырех упомянутых докладных записок, главным образом — записки А. Н. Мандельштама, в российском посольстве в Константинополе был составлен «Проект конвенции между Россией, Грецией, Болгарией, Сербией, Румынией и Черногорией касательно Афонской горы». 30 марта посол М. Н. Гирс выслал его министру иностранных дел С. Д. Сазонову в приложении к своей депеше. Проект конвенции и регламента о статусе Афона состоял из 38 статей и, в основном, повторял формулировки А. Н. Мандельштама. В частности, в 1-й статье говорилось: «Афонская гора является нейтральной территорией под духовным главенством Его Святейшества Вселенского Патриарха и под общим суверенитетом (кондоминиумом) шести православных Держав (Болгарии и Греции, Черногории, Румынии, России и Сербии)». В 5-й и 7-й статьях указывалось, что гражданская власть на Афоне принадлежала Совету комиссаров из шести членов и шести их товарищей, и решения в нем принимались большинством голосов, причем России принадлежало пять голосов, Греции — три, а остальным странам — по одному. Председательствовать на заседаниях совета всегда должен был российский комиссар или его товарищ. Россия предоставляла 5/12 афонского корпуса жандармов, Греция — 3/12, и по 1/12 — остальные страны, командиром корпуса становился российский офицер. В учреждаемом шестью державами смешанном суде первый год председательствовал российский судья. При этом Россия покрывала 5/12 дефицита афонского бюджета, Греция — 3/12, и по 1/12 — другие страны. Протат сохранял прежнее устройство, и основные начала афонского самоуправления и духовного главенства Константинопольского патриарха оставались без изменения²⁹. Таким образом, российский подход к проекту конвенции об устройстве Афона в окончательном виде появился только в конце марта 1913 г., хотя переговоры и консультации по этому вопросу продолжались уже четыре месяца.

Происходили они и на Лондонской конференции, где свою заинтересованность в Афоне проявила Австро-Венгрия, ссылаясь на то, что на ее территории проживает значительное православное население. Однако существенных подвижек в решении афонского вопроса не было. В конце декабря 1912 — январе 1913 гг. на конференции присутствовал премьер-министр Греции Е. Венизелос, с которым несколько раз встречался российский посол в Лондоне А. К. Бенкендорф. Последний регулярно

---

²⁹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 5201. Л. 2–14.

писал в Санкт-Петербург докладные записки о ходе обсуждения афонского вопроса. В частности, Бенкендорф сообщал, что на каждой встрече с ним Венизелос говорил о своем полном и безоговорочном согласии с российским «проектом преобразования Афона»³⁰.

Однако доверять подобным заявлениям было нельзя. Не дождавшись благоприятного для себя решения статуса Афона в международном правовом поле, правительство Греции, усыпляя бдительность российских властей, сразу стало делать все возможное, чтобы, пользуясь фактическим контролем над Святой Горой, как можно быстрее интегрировать Афон в состав своего королевства. Е. Венизелос был активным сторонником создания «Великой Греции», но, желая получить поддержку России по вопросу принадлежности Салоник и части островов в Эгейском море с преимущественно греческим населением, не мог игнорировать ее позиции. Поэтому на встречах с российскими дипломатами премьер-министр на словах поддерживал их, но на деле осуществлял скрытый саботаж и затягивание решения проблемы. Одновременно в Греции разворачивалась в прессе широкая националистическая и антирусская кампания³¹.

После возвращения в конце января 1913 г. в Афины Е. Венизелос неожиданно высказался за российско-греческий кондоминиум над Афоном, без участия других государств. Таким образом, не имея тогда возможности официально добиться сохранения Святой Горы только за Грецией и будучи заинтересованным в поддержке Россией греческих интересов на переговорах в Лондоне, премьер-министр предложил двусторонний суверенитет над Афоном. Эта идея потом неоднократно высказывалась греческими властями, но для России ее реализация была невыгодной, так как усилила бы русско-греческое соперничество на Афоне, что неминуемо вело к обострению отношений двух стран. После получения сообщения о предложении Венизелоса российское Министерство иностранных дел в телеграмме Е. П. Демидову от 4 февраля указало на необходимость отстаивать права всех православных государств. В качестве предлога для затягивания решения вопроса греческие власти также ссылались на возможное негативное отношение к кондоминиуму шести православных государств Вселенского патриарха. Однако из депеши посла М. Н. Гирса С. Д. Сазонову от 4 марта 1913 г.

---

³⁰ Паршинцев А. В. Афонский вопрос во внешней политике России с 1912 по 1917 гг... С. 37.

³¹ Там же. С. 35; Петрунина О. Е. Афонский вопрос в 1912–1917 гг. по материалам русских дипломатических источников... С. 69.

видно, что Константинопольский патриарх не высказывал никакой тревоги по поводу российского проекта³².

Когда на Афоне стало известно о проектах установления коллективного управления, греческие монахи развернули активную агитацию против них. 29 января (11 февраля) 1913 г. эта часть афонитов направила в адрес Лондонской конференции открытое письмо, а затем и телеграмму от имени 17 греческих монастырей с заявлением, что предложенные преобразования противны канонам и афонскому уставу, и выражением желая о присоединении Афона к Элладе³³. Обращались греческие обители и к королю Георгу I (убитому в марте 1913 г.). Русские монахи, напротив, поддерживали идею преобразования Святой Горы в независимую монашескую республику под протекторатом православных государств. Свою позицию они мотивировали тем, что русских монахов на Афоне более пяти тысяч, тогда как греков менее четырех тысяч.

Братство русских обителей (келлий) первым начало активную борьбу против политики эллинизации Афона, обращаясь и к российским архиереям, в частности, 14 января 1913 г. написав архиепископу Новгородскому и Старорусскому Арсению (Стадницкому), внимательно следившему за событиями на Афоне: «Второго ноября 1912 г. Святая гора Афон занята греческими войсками, и нам еще не известно, останется ли она во владении греков или же войдет в сферу другого государства? Ввиду этого мы, святогорские иноки русского происхождения, владеющие религиозными учреждениями, келлейными обителями, считаем уместным и своевременным заявить нашему Российскому правительству о тех притеснениях и обидах, которые мы переносим от греческих „господствующих“ на Афоне монастырей, захвативших всю власть в свои руки и лишивших нас самых элементарных гражданских и человеческих прав. В прилагаемой при этом брошюре мы стараемся выяснить наши обиды и предлагаем меры к исправлению переносимых нами зол и напастей. Покорнейше просим обратить внимание на эту брошюру, и если изложенные в ней доводы заслуживают внимания и уважения, не откажитесь поддержать наши слезные моления во всех местах и сферах, где Вам заблагорассудится, чем премного обяжете Ваших соотечественников и дадите им возможность дальнейшего более сносного существования на Афоне»³⁴.

---

³² Паршинцев А. В. Афонский вопрос во внешней политике России с 1912 по 1917 гг... С. 40, 43.

³³ АРПМА. Оп. 10. Д. 154. Док. 144. Л. 17; Русское слово. 1913. 3 марта. № 53.

³⁴ ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 490.

8 марта настоятель Свято-Пантелеимоновского монастыря игумен Мисаил с братией составили адресованное российским властям письмо «Вопросы и ответы, относящиеся к переустройству правового быта для русского монашества — насельников Св. Афонской Горы», в котором писали о желательности расширения прав русских обителей — беспощинном получении хозяйственных принадлежностей, производстве всех построек по своему усмотрению и т. д., отметив: «Мы бы просили, если то представится необходимым, собрание держав или посольств обратить на сие внимание и предложить монастырям греческим дать находящимся на их землях скитам и келлиям большую свободу в увеличении храмов, а также жилых и нежилых помещений, в совершении хиротоний, а также в избрании настоятелей». В письме высказывалось пожелание о преобразовании русских скитов в монастыри и расширении прав келий, при этом указывалось: «Наш монастырь св. Пантелеимона, по многочисленности братства (как многолюднейший в мире), желательно бы переименовать в Лавру».

В упомянутом обращении к властям выражались и просьбы относительно прав Руссика в Российской империи: «Что касается Ново-Афонского Симоно-Канонитского монастыря, то как он находился под непосредственным ведением нашего Пантелеимонова монастыря, в таковом виде просим оставить его неизменно и впредь, как о сем Высочайше подтверждено в 1912 г.». Права Константинопольского патриарха на Святой Горе считалось целесообразным оставить в прежнем объеме. В документе также высказывалось пожелание, чтобы на Афоне было российское почтово-телеграфное учреждение, и подчеркивалось: «Желательно, чтобы на Афоне находился русский вице-консул или чиновник для наблюдения порядка и охраны Св. Горы совместно с Кинотом». В заключение письма отмечалось: «Так как Божия Матерь есть твердая заступница и скорая помощница всем христианам и по Господе первая наша надежда, то поэтому Св. Афон, как земной жребий Ея проповеди и место Ея посещения, должен быть дорог и желателен для посещения или всегдашнего здесь пребывания всем; а посему мы полагаем, что греки не должны считать его исключительно своим достоянием и не должны устранять или не допускать желающих поселиться в нем всех православных христиан, как славян, так и других наций; довольно того, что большая часть монастырей принадлежит грекам»³⁵.

---

³⁵ АРПМА. Оп. 10. Д. 143. Док. 4435. Л. 2–12.

За интернационализацию же Афона особенно активно выступало Братство русских обителей (келлий), которое весной 1913 г. обратилось с посланиями к Лондонской конференции и в Министерство иностранных дел России. В частности, 12 мая Братство русских келейных обителей на Афоне написало обращение к участникам международной конференции в Лондоне по Балканским вопросам, в котором говорилось: «Когда стало известно, что некоторыми великими державами было предложено не присоединять Афона ни к одному из балканских государств, а создать из него нейтральную территорию, предоставивши ему самоуправление под покровительством России и православных государств балканского полуострова, 17 афонских греческих монастырей отправили своих делегатов к афинскому правительству и к Вашему Высокому Собранию со своим ходатайством (помешать созданию из Афона нейтральной международной территории, а просто присоединить Святую Гору к Греции).

Это обстоятельство побудило нас, русских иноков, численно превосходящих монахов греческого происхождения, довести до сведения Вашего Высокого Собрания и наши взгляды на возбужденный вопрос и вместе с тем высказать пожелания, — вызванные насущными потребностями нашего св. места, — пожелания устранить из жизни монашествующих резкие ненормальности, противные всем божеским и человеческим законам, несправедливость которых очевидна и существование которых ничем не может быть оправдано в такое просвещенное время, как XX век... просим позволить нам изложить наши пожелания; они немногосложны:

1-е. Признать Афон нейтральной территорией под покровительством России и Балканских государств — Румынии, Болгарии, Сербии, Греции и Черногории. 2-е. Представить Афону внутреннее самоуправление, собственную администрацию и суд, покоящиеся на основаниях, выработанных в подробностях представителями православных держав. 3-е. Представительное собрание Св. Горы составить из представителей, но не от одних лишь монастырей, как это практиковалось по настоящее время, а из представителей монашеского населения Св. Горы таким образом, чтобы каждые 200 или 250 иноков посылали по одному представителю. 4-е. Выработать свод законов, которым обязательно должны пользоваться все суды, общественные и административные учреждения Афона. 5-е. Дела гражданские и уголовные строго отграничить от дел духовных. 6-е. Отменить ныне существующие положения о правах на владение земельными участками, проданными монастырями по купчим крепостям, и установить, чтобы участки эти

считались полною собственностью приобретающих их лиц или учреждений, без каких бы то ни было ограничений прав покупателей. 7-е. Если вакуфная форма владения существует на Афоне, то отменить это право и все вытекающие из него последствия»³⁶.

В послании объяснялось, что, во-первых, неизвестно, принадлежал ли Афон когда-либо Элладе, или нет. Так или иначе, коренное население оставило Афон к концу VII в., а новые насельники Афона были не только греки, но и славяне, албанцы, грузины. Во-вторых, далеко не все монастыри, считающиеся ныне греческими, принадлежали в древности грекам. По сведениям келлиотов, только 5 монастырей были устроены греками, а остальные 15 — болгарами, сербами, грузинами, румынами и русскими. Большинство же из монастырей, имевших в начале XX в. греческое братство, были позднее заняты греками. В-третьих, существующая система управления Афоном, созданная в 1626 г., не являлась справедливой, так как управляют Афоном только представители монастырей — антипросопы, а отдельные монастыри меньше скитов и келлий, которые никакого участия в Киноте не принимают. Кроме того, каждый монастырь посылает в Кинот одинаковое количество представителей для решения жизненно важных проблем, а некоторые монастыри отличаются друг от друга по количеству монахов в сотни раз. Так, на тот момент в Свято-Пантелеимоновом монастыре было около 1700 монахов, а в Иверском монастыре — 205, в Ватопеде — 178, в Ставрониките — 15 и т. д. До реформы же 1626 г. Афоном управлял выборный прот и Протат, куда входили все игумены, как больших обителей, так и маленьких. В итоге возникшая система в сочетании с господством идиоритмического устройства монастырей, по мнению Братства русских обителей (келлий), стала более напоминать не монашеское управление, а феодальное средневековое устройство³⁷.

В обращении также отмечалось, что русские составляют 50% святогорцев, греки — 35%, молдаво-влахи (румыны и молдаване) — 9%, болгары и сербы — 6%. Под документом стояли подписи председателя Братства русских келлий иеросхимонаха Герасима и настоятелей 97 афонских русских обителей. Как и упомянутые докладные записки российских дипломатов, требования русских келлиотов сводились в политическом отношении к кондоминиуму православных держав во главе с Россией,

---

³⁶ Там же. Д. 154. Док. 144. Л. 1–2, 15–16.

³⁷ Там же. Л. 3–14.

но при этом оговаривалось право на самостоятельное внутреннее управление Святой Горы.

В послании Братства русских обителей (келлий) к Министерству иностранных дел России выдвигались как уже упомянутые, так и новые предложения: 1. Придать Афону статус автономной административной единицы, имеющей внутреннее самоуправление и не входящей в состав какого-либо государственного образования, сохранив при этом за монахами их первоначальное подданство; 2. Придать официальный статус русской монашеской общине в лице Объединенного братства русского святогорского монашества и взять ее под покровительство русского правительства, для чего создать специальное правительственное учреждение по связям с русской афонской общиной; 3. С точки зрения внешнего церковного управления оставить Афон в ведении Константинопольского патриарха, а для русского монашества учредить специальную епископскую кафедру; 4. Провести ряд реформ во внутреннем управлении Святой Горой: или изменить состав Протата пропорционально национальному составу афонского монашества, или изъять русских иноков из ведения этого органа; изъять из ведения Протата гражданско-административные дела; внутреннее самоуправление русских обителей оставить без изменений; 5. Вернуть Свято-Пантелеимоновскому монастырю все незаконно захваченные у него земли и возвести его в ранг Лавры; 6. Возвести русские Свято-Андреевский и Свято-Ильинский скиты в ранг монастырей, обеспечив их землей и предоставив возможность построить пристань; 7. Оградить от посягательств греческой армии метох (имение) Свято-Андреевского скита около г. Кавала, а часть доходов от бессарабских имений Святой Горы направить на поддержку русской общины; 8. Возвести крупнейшие русские келлии в ранг скитов, предоставив им возможность приобретения необходимого количества земли; 9. Русские подзависимые обители вывести из-под юрисдикции господствующих над ними монастырей; 10. Ограничить вывоз леса с Афона, урегулировать пользование водными источниками, снять ограничения на пользование камнем и песком; 11. Защитить имущественные права русских келлиотов и каливитов; 12. Разрешить вопрос о строительстве пристаней для русских обителей, а центральную пристань Дафна сделать доступной для всех афонских обителей; 13. Предоставить русским обителям возможность построить общий склад и освободить их от таможенных пошлин; 14. Дать возможность русским обителям организовать духовную школу для молодых иноков; 15. Регламентировать взимание налогов; 16.

Сохранить на Афоне русскую почту, а греческую почту и телеграф поставить под общий контроль³⁸.

В приложении к письму российскому посланнику в Константинополе М. Н. Гирсу от 1 июня Братство русских обитателей (келлий) переслало ему с просьбой о поддержке копию своего послания участникам Лондонской конференции, объясняя его отправку тем, что греческие монастыри Святой Горы направили своих делегатов в Афины к королевскому правительству с ходатайством о присоединении к Греции. В письме также отмечалось, что члены братства уже были вынуждены неоднократно доносить российскому правительству о притеснениях и обидах со стороны греков³⁹.

Между тем 16–20 апреля 1913 г. было заключено перемирие в Первой Балканской войне, в Лондоне возобновились переговоры, и 17/30 мая был подписан мирный договор. При этом ряд вопросов не был решен полностью, в том числе и афонский. Их окончательное урегулирование передавалось на рассмотрение великих европейских держав, согласно пятому параграфу Лондонского договора им было поручено выработать особый (административный) статус Святой Горы⁴⁰. Даже в греческих школьных учебниках был зафиксирован тот факт, что договор от 30 мая 1913 г. откладывал решение вопроса о статусе Афона⁴¹. Российской же дипломатии после подписания мирного договора общеправославный протекторат над Афоном казался решенным делом.

Однако через короткое время — 29 июня 1913 г. — началась Вторая Балканская война между вчерашними союзниками, в частности между болгарскими и греками. Зограф был осажден греческими солдатами и монахами-ополченцами, но игумен монастыря уговорил отряд болгарских солдат сдаться в плен без боя и этим предотвратил кровопролитие. 25 июня (8 июля) Е. Венизилос в письме российскому посланнику в Афинах Е. П. Демидову сообщил, что он категорически против участия Болгарии в афонском кондоминиуме⁴².

---

³⁸ Петрунина О. Е. Афонский вопрос в 1912–1917 гг. по материалам русских дипломатических источников... С. 71.

³⁹ АРПМА. Оп. 10. Д. 180. Док. 163. Л. 110–110 об.

⁴⁰ История дипломатии. Т. 2. М.; Л., 1946. С. 228–229; Троицкий С. В. Афон и международное право // Богословские труды. Т. 33. М., 1997. С. 143.

⁴¹ См. напр.: Σφινδέρης Β. Β. Ιστορία Νεότερη και Σύγχρονη. Γ' Γυμνασίου. Αθήνα, 1994. Σ. 284.

⁴² Паршинцев А. В. Афонский вопрос во внешней политике России с 1912 по 1917 гг... С. 49.

Вскоре королевским декретом над афонскими монастырями был установлен контроль греческих военных властей. Еще в январе 1913 г. во всех монастырях Святой Горы, в том числе Свято-Пантелеимоновском, под видом паломников были размещены греческие солдаты, но затем они оставили Руссик. Летом 1913 г. греческие войска вновь заняли Свято-Пантелеимоновский монастырь, однако по требованию российского правительства вскоре освободили обитель и вернули захваченный ими монастырский пароход, а 17 августа в основном покинули Афон⁴³. Ранее они арестовали несколько разбойников, ограбивших в том числе и русских монахов, но деньги вернуть не удалось.

Хотя греческие власти сократили вооруженный отряд на Святой Горе с тысячи до нескольких сот человек, но ввели свою администрацию и увеличили военное присутствие на полуострове Халкидики. Содержание оставшегося отряда, состоявшего из двух рот пехоты и 30 жандармов (вместо двух-трех прежних турецких чиновников), легло на святогорцев. Заменяв турецкого каймакама, гражданское управление Святой Горой стал осуществлять греческий астиномос (офицер полиции) с резиденцией в Карее, в свою очередь подчинявшийся салоницким властям. Пристань Дафна контролировалась греческими таможенными и портовыми чиновниками, в руках которых находились также почта и телеграф. Еще одно нововведение коснулось судебной власти: в г. Иериссос был назначен судебный следователь, в юрисдикцию которого вошел и Афон. Русские монахи жаловались, что греческие чиновники относятся к ним хуже, чем турки⁴⁴.

Вторая Балканская война, в которой Болгария потерпела сокрушительное поражение от Греции, Сербии, Румынии и Османской империи, завершилась подписанием Бухарестского договора великих держав 26 августа 1913 г. В литературе высказывалось мнение о том, что по данному договору Афон окончательно, *de jure*, вошел в состав Греции⁴⁵. Это суждение являлось ошибочным, о чем свидетельствуют последующие переговоры российских дипломатов с Е. Венизелосом, а также петиции афонских монахов. Бухарестская конференция лишь вынесла решение о размежевании границы между Грецией

---

⁴³ См.: *Талалай М. Г.* Афон начала XX в.: «панэллинизм» и «панславизм» // Монастырская культура. Восток и Запад. СПб., 1999. С. 254–261; АРПМА. Оп. 10. Д. 146. Док. 4662. Л. 5.

⁴⁴ Прибавления к Церковным ведомостям. 1916. № 17. С. 459; АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3874. Л. 11; Д. 3875. Л. 7; Д. 3876. Л. 115 об.

⁴⁵ *Троицкий С. В.* Афон и международное право... С. 144–145.

и Болгарией, которая прошла севернее Афона, однако сама Святая Гора в тексте договора не упоминалась. Великие европейские державы также заявили на этой конференции, что они не преследуют на Афоне никаких особых интересов, и окончательно международный статус Святой Горы определен не был.

Между тем, после многомесячных переговоров и консультаций на Лондонской конференции послов великих держав, 28 июля (10 августа) 1913 г. было принято решение о том, что «Гора Афон будет обладать независимой и нейтральной территорией»; Совет (Протат или Кинот), состоящий из представителей 20 монастырей, между которыми распределены все земли Афонского полуострова, должен заведовать управлением Святой Горы и располагать полицией. Тем самым снова подчеркивался всеправославный и всенародный характер святогорского иночества, ни у кого не вызывавший сомнений еще со времен византийских императоров⁴⁶.

Российский проект интернационализации Афона встретил сильное противодействие со стороны Австро-Венгрии, поэтому русской дипломатии не удалось добиться его полного принятия, для чего требовалось единогласие. В результате была одобрена только первая часть проекта — о сохранении над Афоном духовной власти Константинопольского патриарха. Вторая часть — совместное покровительство Святой Горы со стороны всех православных государств — не была закреплена в решениях совещания, ее обсуждение оказалось отложено из-за возникших разногласий и оставлено на последующее рассмотрение великими европейскими державами⁴⁷. Решение по самому важному вопросу — о территориальной принадлежности Афона, принято не было. Таким образом, международное сообщество не признало его греческой территорией, ни Лондонская, ни Бухарестская конференции не санкционировали присоединение Святой Горы к Греции.

Поскольку Лондонская конференция прекратила свою работу, а вопрос о статусе Афона так и не был решен, каждая из сторон в дальнейшем пыталась истолковать это обстоятельство в свою пользу. Российские дипломаты считали, что обсуждение еще не окончено, а греческие — что получили молчаливое согласие великих держав на присоединение Афона к своему государству. Если греческие власти в основном устраивала

---

⁴⁶ АРПМА. Оп. 10. Д. 166. Док. 4426. Л. 39 об.

⁴⁷ Петрунина О. Е. Афонский вопрос в 1912–1917 гг. по материалам русских дипломатических источников... С. 73–74; Паршинцев А. В. Афонский вопрос во внешней политике России с 1912 по 1917 гг... С. 50–51.

сложившаяся ситуация, то российское правительство продолжало вести работу по достижению соглашения о протекторате над Афоном православных держав. При этом российская дипломатия не понимала, что упускает время, несмотря на то, что греческое правительство энергично проводило избранный курс на эллинизацию Святой Горы. Так, С. Д. Сазонов 30 июля (12 августа) в телеграмме М. Н. Гирсу явно ошибочно писал: «Что же касается до решения основных вопросов, связанных с переустройством Афона, полагаем, что нельзя с этим спешить»⁴⁸.

Российское Министерство иностранных дел лишь неустанно и категорично настаивало на выводе греческих войск с Афона, чего вскоре в основном и добилось. В то же время противодействие России побуждало правительство Греции, хотя бы внешне, искать компромиссное решение, которое могло бы удовлетворить обе стороны. Интересы других православных государств при этом в расчет не принимались. Во второй половине августа Е. Венизелос в беседе с российским посланником в Афинах Е. П. Демидовым по-прежнему выражал согласие с нейтрализацией Святой Горы и покровительством Афона со стороны всех православных государств⁴⁹.

В этой неопределенной ситуации, вскоре после заключения Бухарестского договора, на Святую Гору был командирован советник (третий драгоман) российского посольства в Константинополе Б. С. Серафимов, который пробыл там с 17 сентября по 24 декабря 1913 г., однако не смог переломить ситуацию в пользу России. Более того, подвергавшийся личным нападениям Серафимов оказался в сложном положении⁵⁰.

Осенью 1913 г. ситуация серьезно обострилась из-за действий греческих националистов, что негативно сказывалось на переговорах по статусу Афона. 26–28 сентября представители 17 греческих афонских монастырей направили на Лондонскую конференцию и в Министерства иностранных дел заинтересованных стран открытое письмо (меморандум) с протестом против плана автономии и всеправославного статуса Святой Горы. В письме подчеркивалась неизменность древних афонских обычаев, неотчуждаемость монастырских прерогатив, но также содержалось предложение изъять Афон из юрисдикции Константинопольского патриарха и присоединить к Элладской Церкви. Меморандум

---

⁴⁸ Паршинцев А. В. Афонский вопрос во внешней политике России с 1912 по 1917 гг... С. 54.

⁴⁹ Там же. С. 55.

⁵⁰ Герд Л. А. Русский Афон 1878–1914 гг... С. 144–145.

заканчивался характерным призывом: «Свобода есть создание эллинизма, и если в настоящее время варварские и дикие народы пользуются этим благом под греческим знаменем, то неужели мы, афонские монахи, будем поработены властью народа менее либерального, менее прогрессивного и менее цивилизованного. Никогда!» Греческие афониты на ектениях стали возносить имя короля Эллады, демонстративно именуя его не Константином I, а Константином XII — по византийскому счету⁵¹.

На совещаниях Протата, у членов которого были очень сильны националистические настроения, неоднократно обсуждался вопрос о мерах сопротивления проекту интернационализации Святой Горы. Месячное отсутствие военного отряда казалось греческим монахам опасным, и втайне от русских, болгар и сербов они просили греческое правительство о присылке солдат. В сентябре 1913 г. на Афон прибыл, согласно информации российского посольства в Константинополе, «организатор антианглийских демонстраций на острове Кипре, Китийский митрополит Мелетий, выделяющийся своим беззастенчивым политиканством даже среди греческих иерархов». Будущий Константинопольский и Александрийский патриарх митрополит Мелетий (Метаксакис), начал вести активную агитацию среди греческого монашества⁵².

Кинот составил под руководством митрополита Мелетия определение (петицию греческому королю) от лица якобы всех 20 монастырей Святой Горы, которое было принято 3 октября на чрезвычайном Великом афонском собрании игуменов, старцев и антипросопов монастырей. В этом документе участники собрания обращались к королю Константину с просьбой о принятии Афона в полное политическое владение Греции, с сохранением духовного правосудия Вселенского патриарха и неизменности основных уставов самоуправления монашеского жительствова: «...3. Вменяется в обязанность, чтобы эллинское знамя, предоставляющее свободу Святой Горе, продолжало постоянно и впредь развиваться над всеми священными обителями на ней, а также и над зависящими от них скитами и келлиями, как знак господства и покровительства... Совершенно отвергаем контроль монашеской жизни в будущем, как пагубный в Святой Горе, то есть идею международного правления или нейтрализации, или совместного господства,

---

⁵¹ Талалай М. Г. Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках... С. 21; Троицкий П. История русских обителей Афона в XIX–XX вв. М., 2009. С. 151–165.

⁵² Герд Л. А. Русский Афон 1878–1914 гг... С. 145; АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3876. Л. 3 об. — 4.

или протектората, или как-либо иначе хотел бы кто назвать тяготение политической эксплуатации священного нашего места; считаем же священную местность Святой Горы неразрывно соединенной со всею страной Эллинского государства»⁵³.

Копии определения были посланы Константинопольскому патриарху Герману, правительствам православных держав и послам — участникам Лондонской конференции. Представители болгарского и сербского монастырей под сильным давлением греков не решились отказаться поставить свои подписи под этим документом. Уклонился подписать его только антипросоп Свято-Пантелеимоновского монастыря, «дабы потребовать мнения своей обители»⁵⁴. Согласно сообщению Б. С. Серафимова российскому посланнику в Константинополе М. Н. Гирсу от 7 октября, оглашение этого документа в Карее 3 октября было национальным торжеством греческих монахов, сопровождавшимся поклонами перед иконой «Достойно есть», криками «Да здравствует Греция!» и горячей речью митрополита Мелетия⁵⁵.

6 октября Кинот принял обращение к премьер-министру Е. Венизелосу, представлявшему Грецию на Лондонской конференции, которое подписали представители 19 монастырей, за исключением Руссика. В нем антипросопы угрожали сопротивлением и даже намекали на возможное восстание против системы «совместного правления» (нескольких православных государств)⁵⁶. Через два дня, 8 октября, был принят меморандум министрам иностранных дел великих держав с опровержением обращения русских келлиотов от 12 мая 1913 г., который из-за опасения вступить в прямой конфликт с Кинотом подписал и представитель Руссика иеромонах Агафодор (Буданов)⁵⁷.

В тот же день 8 октября члены Братства русских обителей (келлий) обратились с письменной просьбой защитить их к российскому генеральному консулу в Салониках, указав, что Протат явно угрожает и их жизни и достоянию, и жизни чиновника посольства Б. С. Серафимова. Русские келлиоты отмечали, что их доклад (послание) на Лондонскую конференцию признали еретическим и за его отправку решили лишить сана и настоятельства председательства Братства иеросхимонаха Герасима.

---

⁵³ АРПМА. Оп. 10. Д. 154. Док. 144. Л. 36–42.

⁵⁴ Там же. Д. 158. Док. 148. Л. 56.

⁵⁵ Герд Л. А. Русский Афон 1878–1914 гг... С. 145.

⁵⁶ АРПМА. Оп. 10. Д. 158. Док. 148. Л. 62 об. — 64.

⁵⁷ Там же. Д. 180. Док. 163. Л. 154–167.

Настоятеля же Свято-Андреевского скита архимандрита Иеронима хотят лишить сана за устройство в скиту Б. С. Серафимова. Греческие келлиоты говорили, что под влиянием правительства Греции они напишут в Лондон в противовес русскому свой доклад и заставят подписаться под ним русских, болгарских и румынских келлиотов. После приезда Б. С. Серафимова Протат разослал во все монастыри указание без его рекомендаций не принимать паломников и официальных лиц и т. д.⁵⁸

С принятой 3 октября петицией депутация из пяти представителей афонских обителей во главе с антипросопом Хиландарского монастыря проигуменом Климентом посетила в Афинах короля, который 17 октября приветливо принял их, подробно расспросил про монастыри, обещал побывать в ближайшее время на Афоне и сказал, «что как царь ваш сделаю, что будет возможно, относительно вашего вопроса и ваших законных требований. В этом будьте уверены»⁵⁹.

Депутация также побывала и у премьер-министра Е. Венизелоса. Последний заверил монахов, что греческое правительство не давало своего согласия на установление международного контроля над Афоном, подчеркнув: «Святая Гора сохранила и сохраняет на деле все византийские предания, сохранила нам язык в продолжение долгих веков рабства и потому имеет громадное значение и интерес для эллинизма. Будьте уверены, отцы, что правительство сделает все, что только будет возможно, чтобы Святая Гора сохранила свой настоящий уклад, как церковный, так и политический»⁶⁰.

В то же время, по некоторым сведениям, А. Венизелос не поддержал предложение участников депутации подчинить Афон юрисдикции не Вселенского патриарха, а Элладской Православной Церкви, ответив им, «что монахи Афонской Горы должны подчиняться решениям держав безусловно и считать свою миссию в Афинах оконченной»⁶¹.

Значительную помощь депутации оказал митрополит Афинский Феоклит, при встрече с ней заявивший: «В вашей борьбе, достопочтенные отцы, вы будете иметь союзницей всю эллинскую иерархию, которая не колеблясь употребит всю свою нравственную мощь, дабы одержать верх над великими и сильными мира сего, желающими присвоить наши алтари и очаги». Согласно сообщению представителя Руссика

---

⁵⁸ Там же. Л. 110 об. — 111.

⁵⁹ Там же. Д. 153. Док. 4652. Л. 4–4 об.

⁶⁰ Там же; Герд Л. А. Русский Афон 1878–1914 гг... С. 149.

⁶¹ Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. № 10. С. 462.

в Киноте игумену Мисаилу от 30 октября, на приеме у короля представители греческих монастырей заявили, что будто бы с представленной петицией согласны все монастыри, а русские монахи не успели ее подписать. Из Афин депутация отбыла в Салоники, где участвовала в праздновании годовщины занятия города греческими войсками. Рассказ ее участников о результатах поездки был заслушан на заседании Кинота 28 октября⁶².

В конце 1913 г. планировалось посещение Святой Горы королем Константином вместе с принцами, в связи с чем Кинот дважды — 27 октября и 28 ноября — принимал постановления о выделении им подарков всеми афонскими монастырями⁶³. Однако приезд короля не состоялся. 23 октября Кинот также постановил к годовщине освобождения Афона и всей Македонии во всех монастырях, скитах и келлиях «во век» в первое воскресенье ноября совершать заупокойное бдение о павших греческих воинах⁶⁴.

Пребывавший в то время на Афоне Б. С. Серафимов описывал эту ситуацию в своих донесениях М. Н. Гирсу и постепенно изменил свою прежнюю позицию относительно проекта интернационализации Святой Горы. Это произошло после того, как митрополит Мелетий обратился к Серафимову с предложением, чтобы Россия отказалась от этого плана с тем условием, что Греция будет гарантировать русским монахам все права и преимущества, которыми они пользовались прежде. В письме М. Н. Гирсу от 21 октября 1913 г. Серафимов писал, что если принять предложение митрополита, то это «даст нам возможность достичь желаемых нами последствий, не выступая на международной сцене в приписываемой нам неблагодарной роли нарушителя афонских уставов и притеснителя безоружных монахов, и без риска потерпеть в окончательном результате роковую для наших святогорских интересов неудачу». В том же донесении Б. С. Серафимов излагал целый ряд условий, на которых, по его мнению, могло быть подписано российско-греческое соглашение, в том числе признание за русскими святогорцами российского подданства, предоставление Свято-Андреевскому и Свято-Ильинскому скитам прав монастырей, превращение грузинской и некоторых больших русских келлий в скиты, лишение Кинота каких-либо административных функций, замена вооруженной стражи отрядом из 100 человек,

---

⁶² АРПМА. Оп. 10. Д. 153. Док. 4652. Л. 5 об.; Д. 158. Док. 148. Л. 55–57 об.

⁶³ Там же. Д. 150. Док. 143. Л. 9 об.

⁶⁴ Там же. Д. 154. Док. 144. Л. 65.

состоящего пополам из русских и греков, формальное обязательство греческого правительства не приступать к каким бы то ни было переменам и мероприятиям общего характера без предварительного согласования с российским правительством и т. д.⁶⁵

Однако предложения Б. С. Серафимова не были приняты в российском посольстве. В письме к советнику посольства К. Н. Гулькевичу от 6 ноября он с горечью писал: «Мои доводы не убедили Вас, и кондоминиум православных государств считается еще достижимым. Если большинство государств выскажется против, то греки, избавившись от необходимости выполнить данное нам обещание, сделают нам только те уступки, которые им будут угодны. Момент для того, чтобы православные государства приняли наше предложение и программу, — упущен»⁶⁶.

Между тем для российской дипломатии основополагающими оставались итоги Лондонской конференции, так как на ней проект об интернационализации Святой Горы не был отменен, несмотря на то что Афон фактически вошел в состав Греческого королевства. 27 октября 1913 г. посланник М. Н. Гирс отправил министру иностранных дел С. Д. Сазонову письмо, в котором предложил провести совещание представителей шести православных государств в Константинополе. Однако министр ответил категорическим отказом, сославшись на то, что Болгария и Греция после недавней войны не смогут договориться. В министерстве пришли к мысли об установлении *modus vivendi* «для необходимости условиться с фактическим обладателем Афона — греческим правительством»⁶⁷.

Российское Министерство иностранных дел дало М. Н. Гирсу указание вступить в переговоры с греческими представителями и Вселенской патриархией на предмет заключения соглашения временного характера, точно определяющего взаимоотношения русских и греческих монахов на Святой Горе, а после «окончания нынешнего кризиса» работать над изменением невыгодных для соотечественников условий афонского устава. При этом посланнику указали твердо руководствоваться принципом, что Святая Гора не является исключительным достоянием греческого народа⁶⁸. В данных директивах явно просматривалась неверная

---

⁶⁵ Герд Л. А. Русский Афон 1878–1914 гг... С. 150–151.

⁶⁶ Там же. С. 152; АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 3697. Л. 51–54.

⁶⁷ Паршинцев А. В. Афонский вопрос во внешней политике России с 1912 по 1917 гг... С. 63–64.

⁶⁸ Там же. С. 65–67.

оценка С. Д. Сазоновым обстановки в Греции и общей международной ситуации. Возможно, он рассчитывал в случае обострения международного кризиса и его перерастания в войну после предполагаемой победы Российской империи занять черноморские проливы, после чего обеспечить и реализацию проекта России на Афоне.

Таким образом, проведение дальнейшей работы по этому вопросу было предоставлено российскому и греческому послам в Константинополе совместно с Константинопольской патриархией. Вопрос о статусе Афона активно обсуждался ими в первой половине 1914 г. с участием премьер-министра Греции Е. Венизелоса (искавшего в тот момент благорасположения Российской империи), который был согласен на некоторые уступки в афонском вопросе. При этом М. Н. Гирс наметил два новых проекта устройства гражданского управления Святой Горы, а статский советник П. Б. Мансуров подготовил аналитическую записку с их разбором. В обсуждении афонского вопроса с греческими властями участвовал и российский поверенный в делах в Афинах Урусов⁶⁹.

В мае 1914 г. М. Н. Гирс передал греческому послу в Османской империи Д. Панасу план устройства международного положения Афона и заявил о начале переговоров. Российская сторона выдвинула следующие условия: 1. подчинение Афона Константинопольскому патриарху; 2. политическая власть на Святой Горе осуществляется комиссаром, назначаемым Грецией и подчиняющимся Министерству иностранных дел; 3. Греция не предпринимает на Афоне мер общего характера без согласования с Россией; 4. российское правительство имеет право защищать русских монахов; 5. Россия имеет право назначать на Афон чиновника с правами дипломатического представителя⁷⁰.

После дипломатических усилий России предложенный ею проект поддержал и Вселенский патриарх Герман V, заявивший российскому посланнику в Константинополе М. Н. Гирсу: «Патриархия присоединяется вполне к проекту, по которому полуостров Афон должен сохранить свое автономное положение под руководством шести держав. Патриархия всеми силами будет против того, если какое-нибудь государство, будь даже это Греция, будет домогаться захватить себе Святую Гору, которая является одинаково священной для всех православных христиан». При этом в начале переговоров греческое правительство по-прежнему выдвигало предложение о российско-греческом кондоминиуме

---

⁶⁹ АВПРИ. Ф. 142. Греческий стол. Оп. 497. Д. 694.

⁷⁰ Герд Л. А. Русский Афон 1878–1914 гг... С. 155.

на Афоне, отвергая участие других православных государств в решении вопроса о статусе Святой Горы⁷¹.

Греческие власти продолжали держать на Афоне небольшой вооруженный отряд, а со временем перестали говорить даже о возможности двустороннего кондоминиума: резонно полагая, что другие европейские державы постараются не допустить усиления российского влияния в Средиземноморье, предпочтя передать Святую Гору Греции. Для скорейшей интеграции Афона в состав Греческого королевства применялись все доступные средства, в том числе и националистическая пропаганда в стране, а также использование и подогрев антирусских настроений на самом Афоне. Греческие газеты постоянно привлекали к афонскому вопросу внимание общественности, таким образом включая его в число так называемых «национальных вопросов». В связи с этим российский посланник в Афинах Е. П. Демидов позднее (в телеграмме от 7(20) сентября 1917 г.) считал, что, пойдя на уступки в этом вопросе, греческий премьер-министр Е. Венизелос сильно потеряет в глазах общественного мнения⁷².

В результате к началу Первой мировой войны греческое правительство занимало в афонском вопросе довольно жесткую позицию. Поскольку международного согласия на включение Афона в состав Греции к тому времени получить не удалось, греческие власти решили пока вести «органическую работу» внутри Святой Горы, опираясь на националистически настроенный Протат. Летом 1914 г. в переговорах с российским посланником в Константинополе М. Н. Гирсом греческий посол Д. Панас уже говорил о том, что единственным носителем государственной власти на Афоне является Протат, в руках которого должны остаться также полиция, таможня и средства связи. Создание органа власти на основе национального представительства греческое правительство считало вторжением в дела Церкви, а национальный вопрос на Афоне предлагало решить путем введения для монахов двойного подданства: афонского — внутри Святой Горы, и их первоначального подданства — вне ее. Обсуждать любые вопросы о положении и поземельных отношениях русских скитов, келлий и калив, а также о покровительстве со стороны правительства России русским святогорцам греческие власти отказались. Исключение было сделано лишь для вопроса об имениях

---

⁷¹ АРПМА. Оп. 10. Д. 180. Док. 5377. Л. 102; Талалай М. Г. Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках... С. 21; Герд Л. А. Русский Афон 1878–1914 гг... С. 155.

⁷² Петрунина О. Е. Афонский вопрос в 1912–1917 гг. по материалам русских дипломатических источников. С. 80; АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3873. Л. 32–33.

афонских обителей вне Святой Горы: в обмен на согласие вести переговоры по этому пункту выдвигалось требование обсуждения вопроса о бессарабских имениях греческих монастырей и закрепления решений по нему международными гарантиями. В своей секретной телеграмме в Министерство иностранных дел от 13 июля 1914 г. М. Н. Гирс также отмечал заявление греческих переговорщиков о том, что другие православные государства (в том числе представленные своими подданными на Афоне) даже не имеют права участвовать в решении вопроса о статусе Святой Горы⁷³. Подобная позиция явно свидетельствовала о том, что греческое правительство считало афонский вопрос фактически решенным и вносить какие-либо существенные изменения в его статус не хотело. Проходившие в Константинополе переговоры прервались в связи с началом 1 августа 1914 г. Первой мировой войны.

Следует также отметить, что в первой половине 1914 г. при участии российских дипломатических ведомств был впервые поднят вопрос об объединении всех русских обителей Афона. Новое сложное положение заставляло русских святогорцев сплотиться для защиты от притеснений Протата и греческих властей. Документ о фактическом соединении всего русского афонского монашества в единую общину был составлен по инициативе российского посольства в Греции, подписан первоначально игуменом Свято-Андреевского скита архимандритом Иеронимом и келлиотами и в виде доклада подан российскому посланнику в Константинополе М. Н. Гирсу. Вскоре игумен Свято-Ильинского скита телеграфировал о своем согласии подписать этот документ.

В результате 16 июня 1914 г. был наконец принят акт о создании Объединенного братства русского святогорского монашества, объединявшего всех русских подданных на Афоне. В данном документе еще раз подтверждалось желание русских иноков сохранить свою национально-государственную идентичность и говорилось о том, что в число основных задач братства входит не только защита русских монахов от угнетения, но и оказание поддержки государственным интересам России на Востоке⁷⁴.

22 июня 1914 г. М. Н. Гирс принял в Константинополе делегацию русского монашества: наместника Руссика иеромонаха Иоакима, эпитропа

---

⁷³ Петрунина О. Е. Афонский вопрос в 1912–1917 гг. по материалам русских дипломатических источников... С. 74; АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3877. Л. 13.

⁷⁴ Петрунина О. Е. Афонский вопрос в 1912–1917 гг. по материалам русских дипломатических источников...; АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3876. Л. 139 об. — 140.

Свято-Андреевского скита иеромонаха Софрония, настоятеля Константинопольского подворья Свято-Ильинского скита иеромонаха Лукиана и товарища председателя Братства русских обителей (келлий) иеромонаха Петра (настоятеля келлии Белозёрка). На этой встрече о. Иоакимф заявил о присоединении Руссика к акту об объединении. Посланник выразил радость по поводу такого единодушия и заявил собравшимся: «Между прочим, этим вы дадите мне возможность прогрессивнее работать по проведению новых реформ и узаконений на Афоне, о чем у нас идут переговоры с греческим правительством и Вселенской патриархией»⁷⁵.

Однако создание Объединенного братства русского святогорского монашества так и не было завершено: игумен Свято-Пантелеимоновского монастыря о. Мисаил, остерегаясь резкой негативной реакции Протата, не стал подписывать акт. Кроме того, русские афонские монашеские организации не получили официального признания со стороны Святейшего Синода Российской Православной Церкви. Однако, главным образом, реализации на практике указанного акта от 16 июня помешала разразившаяся вскоре Первая мировая война.

В связи с началом войны правительство Османской империи в июле 1914 г. закрыло проливы Босфор и Дарданеллы, и традиционная связь русских афонских обителей с Россией через Черное море прервалась. С этого времени на Афон уже не приходил ни один российский пароход, закрылось и ранее размещавшееся в Дафне в арендованном здании Русское пароходное агентство. Свято-Пантелеимоновский монастырь, русские скиты и келлиоты имели в Одессе своих доверенных лиц, которые стали получать денежные переводы и почту и затем различными окружными путями старались переправить их на Афон. Однако с начала 1917 г. на Святую Гору из-за политического кризиса полностью прекратился приток денежных средств из России. К концу того же года на Афон перестала поступать почтовая корреспонденция, в связи с чем закрылось находившееся в Дафне до этого времени представительство российской почты⁷⁶.

В целом можно согласиться с заключениями петербургской исследовательницы Л. А. Герд, что в сложной международной ситуации конца XIX — начала XX вв. российское правительство не предпринимало активных шагов на Балканах. Непоследовательность политики и отсутствие единой четкой линии в отношении Афона приводили к тому, что русское

---

⁷⁵ АРПМА. Оп. 10. Д. 180. Док. 163. Л. 142–143.

⁷⁶ Там же. Л. 126.

монашество, с одной стороны, не имело надежной защиты от своего правительства, а с другой стороны, пользовалось достаточно большой свободой и бесконтрольностью. В результате этого мощный политический потенциал России на Православном Востоке не был использован в полной мере. Русский Афон существовал не только независимо от противоречивой политики правительства, но порой даже вопреки ей. Он был своеобразным «русским островом» в Восточном Средиземноморье и служил мощным стержнем, на котором во многом базировался авторитет России в этом регионе, оказывая большое положительное влияние на духовную жизнь всего христианского Востока⁷⁷.

Лишь после занятия в ходе Первой Балканской войны Афона греческими войсками осенью 1912 г. российское правительство проявило заметный интерес к Святой Горе, увидев в нем опорный пункт своего влияния в Средиземноморье. Был разработан проект интернационализации Святой Горы, для реализации которого предприняты определенные усилия. Основная борьба российской дипломатии по афонскому вопросу велась с ноября 1912 по июль 1914 гг. Некоторое внимание к стратегическому положению Афона и прилегающей территории проявил и император Николай II. В частности, во время своего последнего приема делегации афонских монахов 13 февраля 1914 г. император после благожелательной беседы выказал явный интерес к стратегическому характеру приобретенной русским Свято-Андреевским скитом в качестве метоха бухты в Македонии (вблизи г. Кавала)⁷⁸.

Однако в реализации проекта интернационализации Святой Горы российское правительство столкнулось не только с сопротивлением греческих властей и части афонитов, но и с противодействием ряда великих европейских держав (прежде всего Австро-Венгрии), обеспокоенных ростом влияния России на международной арене. В результате российская дипломатия потерпела поражение, «которое окончательно отдало Афон в руки греков»⁷⁹.

Впрочем, российское правительство не считало эту неудачу окончательной, рассчитывая в случае благоприятного исхода Первой мировой

---

⁷⁷ Герд Л. А. Русский Афон 1878–1914 гг... С. 159–160.

⁷⁸ См.: Дневники императора Николая II. М., 1991; Талалай М. Г. Положение русского монашества на Афоне после 1912 г. // Россия и Христианский Восток. Вып. II–III. М., 2004. С. 581–582.

⁷⁹ Петрунина О. Е. Афонский вопрос в 1912–1917 гг. по материалам русских дипломатических источников... С. 80.

войны вернуться к решению афонского вопроса, который так и не был урегулирован в международном плане. Важным этапом здесь было введение русско-французского вооруженного отряда на Афон в январе 1917 г. Несмотря на сложнейшую ситуацию в России после Февральской революции, даже Временное правительство уделяло некоторое внимание афонскому вопросу. В частности, министр иностранных дел М. И. Терещенко в июле 1917 г. отправил телеграмму против вывода союзного отряда с Афона⁸⁰. В целом российские власти так и не признали фактического присоединения Святой Горы к Греции и вплоть до осени 1917 г. предпринимали меры по урегулированию юридического статуса Афона. Однако последовавшие затем Октябрьская революция и установление в России советской власти привели к окончательному отказу от проекта интернационализации Святой Горы.

Источники и литература

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 550. Оп. 1. Д. 266, 490.
2. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3873, 3874, 3875, 3876, 3877, 5201; Ф. 142. Греческий стол. Оп. 497. Д. 694; Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 3686, 3689, 3697.
3. Архив Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне (АРПМА). Оп. 10. Д. 143. Док. 4435; Д. 145. Док. 125, 5421; Д. 146. Док. 4662; Д. 148. Док. 4620; Д. 150. Док. 143; Д. 151. Док. 4643; Д. 153. Док. 4652; Д. 154. Док. 144; Д. 158. Док. 148; Д. 166. Док. 4426; Д. 180. Док. 163, 5377.
4. В «пороховом погребе Европы». М., 2003.
5. Дневники императора Николая II / под ред. К. Ф. Шацилло. М., 1991.
6. Герд Л. А. Русский Афон 1878–1914 гг. Очерки церковно-политической истории. М., 2010.
7. История дипломатии. М.; Л., 1946. Т. 2.
8. Паршинцев А. В. Афонский вопрос во внешней политике России с 1912 по 1917 гг. Квалификационная работа Дипломатической Академии МИД. М., 2008.
9. Петрунина О. Е. Афонский вопрос в 1912–1917 гг. по материалам русских дипломатических источников // Вестник архивиста. 2002. № 1 (67). С. 59–80.
10. Прибавления к Церковным ведомостям. 1913. № 10; 1916. № 17.

---

⁸⁰ Паршинцев А. В. Афонский вопрос во внешней политике России с 1912 по 1917 гг... С. 8.

11. Русское слово. 1913. 6 января. № 5; 3 марта. № 53.
12. Талалай М. Г. Афон начала XX в.: «панэллинизм» и «панславизм» // Монастырская культура. Восток и Запад. СПб., 1999. С. 254–261.
13. Талалай М. Г. Положение русского монашества на Афоне после 1912 г. // Россия и Христианский Восток. Вып. II–III. М., 2004. С. 579–585.
14. Талалай М. Г. Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках. М., 2009.
15. Троицкий П. История русских обителей Афона в XIX–XX вв. М., 2009.
16. Троицкий С. В. Афон и международное право // Богословские труды. Т. 33. М., 1997. С. 131–147.
17. Σφυρδέρας Β. Β. Ιστορία Νεότερη και Σύγχρονη. Γ΄ Γυμνασίου. Αθήνα, 1994.

Mikhail Shkarovsky. Russian Policies Regarding Mt. Athos in the Early 20th Century.

The Beginning of the twentieth century was a time of unrealized project of internationalization of Athos, who actively defended the diplomatic service of the Russian Empire. Largely this project was an extension of their traditional campaign to the Holy land of Palestine and mount Athos belong to the Orthodox world. After the lesson, during the First Balkan war of Athos Greek troops in the autumn of 1912, the Russian government has shown considerable interest in the Holy Mountain, seeing in it a reference point of its influence in the Mediterranean. Was developed the project of internationalization of the Holy Mountain. To implement it has taken some effort. The main struggle of the Russian diplomacy on Athos subject was conducted from November 1912 to July 1914. However, in the implementation of the project, the Russian government was faced not only with the resistance of the Greek authorities and the monks, but also by the opposition of many of the great European powers (especially Austria-Hungary). As a result, miss a favorable situation, the Russian diplomacy has failed. In General, the Russian authorities did not recognize the actual joining of the Holy Mountain of Greece until the fall of 1917, took measures for the settlement of legal status of mount Athos, while maintaining some hope of success. However, the subsequent October revolution and the establishment in Russia of Soviet power led to the final abandonment of the project of internationalization of the Holy Mountain.

Keywords: Athos, Holy Mountain, Russian foreign policy, internationalization, Russian monasticism, Greek, Balkan war, Athos subject, diplomacy, European powers.

Mikhail Vital'yevich Shkarovsky – Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at the Central State Archives of St. Petersburg, Professor at St. Petersburg Theological Academy (shkarovs@mail.ru).